АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ТРУДЫ
ПЕРВОЙ СЕССИИ АРАБИСТОВ

14—17 июня 1935 г.

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ · XXIV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1937 ЛЕНИНГРАД

А. ЯКУБОВСКИЙ

ИРАК НА ГРАНИ VIII—IX вв.

(ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ ХАЛИФАТА ПРИ АББАСИДАХ).

Уже самое название темы для доклада, рассчитанного только на час, указывает на его обобщающий характер. Перед докладчиком стоит соблазнительная и ответственная задача вскрыть наиболее яркие черты общественного строя халифата на материале, относящемся по преимуществу к Ираку конца VIII и начала IX вв. Хотелось бы рассеять одно неправильное, но распространенное мнение о традициях русской арабистики, будто бы совершенно чуждой обобщающей мысли. В известной мере, как раз наоборот. Крупнейший глава русского востоковедения и в частности арабистики конца XIX и начала XX вв. В. Р. Розен, при всей своей любви к разным видам описательной и аналитической работы, всегда подчеркивал важность научных обобщений. По его мнению на каждом этапе знания необходима обобщающая мысль, которая, подводя итоги прежде добытым фактам, опираясь на свежий материал, делает выводы, которые продвигают данную дисциплину вперед. „Сделанные на основании этого материала обобщения, — писал В. Р. Розен, — могут впоследствии, по открытии новых памятников, оказаться не вполне верными, но воздерживаться от всяких обобщений до приведения в известность всех сохранившихся памятников, тоже невозможно“.[1] В. Р. Розен не ограничивал ценность обобщающей мысли только узкими рамками той дисциплины, в которой она родилась. Эту черту В. Р. Розена отметил еще Н. Я. Марр в своей статье „Барон В. Р. Розен и христианский Восток“. Останавливаясь на его замечательных „Remarques sur les manuscrits orientaux de la collection Marsigli à Bologne...“, Н. Я. Марр делает выписку из них, которая показывает насколько широко было научное мировоззрение этого поистине крупнейшего востоковеда. „Уже понято, что история человечества будет фрагментарна, доколе не будет изучена история азиатских народов; уже понято, что искание исторических законов, управляющих судьбами человеческого общества, останется довольно бесплодным трудом, доколе оно будет базироваться на сравнительно ограниченном количестве фактов

[1] В. Р. Розен. Сведения о памятниках грузинской словесности А. А. Цагарели. ЗВО, т. I, стр. 148.

одной европейской жизни".[1] Думается, приведенных взглядов достаточно, чтобы представить какое место занимало обобщение в научном мировоззрении В. Р. Розена. Арабистика сейчас накопила огромное количество фактического материала, но не использовала в смысле выводов и одной десятой находящегося в ее руках богатства. Более того, мимо некоторых из хорошо известных науке источников исследовательская мысль прошла чуть-чуть их коснувшись, не говоря уже о том, что целый ряд фактов в опубликованных источниках и совсем не обратил на себя внимания. Есть основания думать, что слова эти относятся прежде всего к темам, аналогичным затронутой докладчиком.

В истории халифата Ирак занимает совершенно особое место. В известном отношении это наиболее сильная и наиболее слабая точка арабского государства. Наиболее сильная, поскольку Ирак — самая богатая производительными силами область халифата, наиболее слабая, ибо Ирак — центр постоянной оппозиции против омейядов и связанной с ними Сирии. В течение целого столетия, еще даже до прихода к власти Моавии, здесь начала скапливаться та энергия недовольства омейядской политикой, которая привела к гибели не только последнюю, но и ее носителей. Едва ли будет преувеличением сказать, что в Ираке с исключительной четкостью определились все главнейшие противоречия, которые были в халифате, как он сложился на базе старой культуры переднеазиатских областей в условиях захвата политической власти вышедшим на историческую сцену арабским народом, руководимым своими энергичными вождями. Кто хоть немного задумывался над указанными противоречиями внутри самого халифата, опираясь на исключительный по своему богатству фактический материал, оставленный источниками, по преимуществу арабскими, должен признать, как действительно сложна была социальная обстановка в странах под арабской властью. Мы имеем здесь дело не с одними только классовыми противоречиями, которые в условиях антагонистических обществ играют основную роль, но и с пестрым этническим составом населения, где завоеватель ставит покоренные народы, не принявшие еще ислама, в неравноправное с собой положение, наконец, с явными привилегиями одной области халифата (Сирии) над другими, за счет которых она хотела жить. Принимая указанное обстоятельство во внимание, станет совершенно ясным, что именно в Ираке, где эти сложные противоречия были наиболее ярко выражены, должны скапливаться оппозиционные силы, огромные количественно, сильные качественно, которые выхода из тупика искали в революционном действии, конкретное содержание которого в каждый данный момент определялось фактической обстановкой текущего политического момента. При определении силы и действенности оппозиционных настроений в Ираке следует учесть и те культурные традиции, которые накопились за долгие

[1] Приложение к т. XVIII ЗВО, стр. 9: Н. Я. Марр. Барон В. Р. Розен и христианский Восток.

века существования этой примечательной области. Не трудно понять, какое значение имели такие факты, как не умершие традиции древней Вавилонии, как огромный опыт, пережитый от ахеменидов и до блестящего периода сасанидского Ирана включительно, осложненный к тому же наличностью культурной работы соседней Сирии.

Сложные явления религиозного творчества в обстановке слагающегося феодального общества — зороастризм, христианство, манихейство, различные ереси в них, наконец, маздакизм как революционная теория угнетенных масс, облеченная в форму религиозного учения, как и полагается всем концепциям феодального общества, — все это жило интенсивной жизнью в Ираке, сопротивлялось исламу, а если и принимало последний, то только внешне, по существу стараясь изменить его идейное содержание, приспособить к нуждам и привычным взглядам.

В арабской исторической литературе не раз ставился вопрос: что толкало арабов к завоеваниям? Один из наиболее глубоких ответов мы найдем у автора „Книги о харадже", написанной для халифа Харун-ар-Рашида (786—809). Слова, приводимые им по этому поводу, приписаны халифу Омару I (634—644), который будто бы сказал: „Мусульмане едят их (покоренных), пока они живы; когда мы и они умрем, наши дети будут есть их детей, пока они живы".[1] В данном случае совершенно неважно, в какой мере можно действительно приписать слова эти Омару I. Важнее другое: так думали, так объясняли себе факт арабского завоевания люди, жившие в первые веки ислама. В сознании культурного араба, принадлежащего к господствующему классу, прочно сидела мысль, что завоеватели из поколения в поколение живут за счет трудящегося населения покоренной страны.

При описании и анализе общественных отношений того времени указанное обстоятельство приходится принимать прежде всего во внимание. Мы ничего не поймем в классовой борьбе в первые века халифата, если пройдем мимо этого факта. В качестве недовольной, оппозиционно настроенной силы против омейядского халифата будет выступать не только раб, земледелец, ремесленник, но земледелец-иноверец (христианин, иудей, зороастриец), ремесленник-иноверец и даже иногда иноверец купец и феодал. Внешнее выражение это неравноправное положение покоренного населения находит прежде всего в одежде.[2] Своеобразие омейядской эпохи в отличие ее от аббасидской заключается в следующем. Во главе господствующего класса халифата стоят арабские верхи, пользующиеся максимальными привилегиями по сравнению с местными феодалами, иноплеменными (иранцы, армяне, сирийцы и т. д.) и иноверными (зороаст-

---

[1] На это место у Абу-Юсуфа-Якуба впервые обратил внимание Lammens в „La Syrie", стр. 60.

[2] Абу-Юсуф-Якуб. Книга о харадже, см. главу, فصل فى لباس اهل الذمة و زيهم стр. 72—73, литогр. изд. Булак, 1302 г. хиджры. Литература кроме того указана во французском переводе Абу-Юсуфа-Якуба, сделанном E. Fagnan, Paris, 1921 , стр. 195, прим. 2.

рийцы, христиане, манихеи и т. д.). На Востоке, как и всюду при феодализме, завоеватели находили общий язык с господствующими слоями общества покоренной страны за счет трудящегося населения, однако это не мешало им ставить себя в совершенно особые условия. Нужно только вспомнить хараджную систему, на которой держался халифат, чтобы понять, что главная доля произведений труда покоренного населения шла на содержание верхушки завоевателей. Это обстоятельство не могло не влиять на положение и настроение всех элементов покоренной страны. В Ираке все трудящееся население, которое при омейядах рассматривалось только с точки зрения своей способности выплачивать налоги, прекрасно понимало, что его эксплоатируют не только как раба, крестьянина и ремесленника, но и как иноплеменника, к тому же завоеванного, и, наконец, как иноверующего. В какой-то доле должен был быть недоволен и купец и феодал-землевладелец неарабского происхождения. Когда-то полный хозяин своих земель, монопольно эксплоатировавший трудящееся население данной страны или области, он теперь находится на милости у победителя араба. Ни одна область халифата не чувствовала себя обиженной по этой линии при омейядах в такой мере, как Ирак. Халифы, двор, гвардия, войско, чиновничество, наконец, высшие слои ряда арабских племен, живущих в Сирии и связанных с омейядами, поставили целую часть халифата — Сирию в привилегированное по сравнению с другими областями положение. Сюда свозились все богатства покоренных стран; харадж в ренте натурой и деньгами в огромной своей доле шел именно сюда и здесь по разным каналам двигался, не выходя за пределы Сирии, в карманы близких власти феодальных групп. Ирак был одной из богатейших областей молодого арабского государства; весь изрезанный каналами, многие из которых были судоходны, усаженный садами, пальмами, обильный хлопком и рисовыми полями, озелененный частыми участками густой и сочной люцерны, он политическими условиями поставлен был в необходимость жить не для себя, даже не для своего господствующего класса, а для Сирии, для тех, кто считал себя находящимся на верхушке общественной лестницы, сидящим у самого трона халифов. С первых же дней халифата, еще даже до омейядов, Ирак был поставлен в положение, когда население не могло рассчитывать на получение в пользование продуктов своего труда. Более всего для этого сделал, конечно, Омар I. Сколько бы ни продолжались споры по вопросу — запрещал или нет Омар I арабам приобретать земельную собственность в завоеванных странах, хотя В. В. Бартольд показал всю несостоятельность подобного взгляда,[1] — все же остается бесспорным, что Ирак с первых же лет завоевания рассматривался как область, где преобладали хараджные земли, т. е. такие, которые в первую очередь приносили большие доходы казне. Вышеотмеченное положение Ирака в омейядский период опреде-

[1] В. В. Бартольд. Халиф Омар II и противоречивые известия о его личности. Христ. Восток, т. VII, стр. 224—225.

лило на целое столетие и его отношение к халифату, династии и Сирии. Вот почему в этой цветущей области, в этом центре государства мы видим неиссякаемый очаг волнений, восстаний, которые ставят халифат не раз на край пропасти. Сюда собираются со всех сторон все недовольные существующими порядками элементы, здесь они формируются в вооруженные отряды, находят себе вождей, готовые программы и руководящие идеи. Шиитские движения сменяются хариджитскими, иногда сосуществуют с ними во времени, часто соперничая в перспективах захвата власти. К сожалению, еще не проделана необходимая работа по тщательному анализу каждого из этих движений с классовой точки зрения. Даже наиболее напряженный период борьбы Ирака с Сирией и омейядами, падающий на царствование Абд ал-Мелика, несмотря на существующие о нем работы,[1] не может считаться изученным с точки зрения классового анализа событий. Таковы огромного размаха шиитское движение во главе с ал-Мухтаром (685—687), хариджитское — во главе с Шабибом, разгромленное в 696 г., или мощное восстание Абд ар-Рахмана ибн-Ашаса, ликвидированное в 701 г. Нужны были напряженные усилия центральной власти, нужен был, наконец, Хаджджадж и связанная с ним целая система мероприятий, чтобы наложить узду на Ирак.

Хаджджадж — это не случайность; или Хаджджадж с его суровой, жестокой рукой, или Ирак, который в любой момент может опрокинуть омейядов с их политикой. По всей вероятности, цифры о 130 000 казненных рукой палача, о 50 000 мужчин и 30 000 женщин, находящихся в тюрьмах в Ираке к моменту смерти Хаджджаджа,[2] преувеличены в несколько раз, однако каково бы ни было их настоящее число (и в действительности они выражались десятками тысяч), казни, тюрьмы, террор — это система, программа утверждения ненавистной власти омейядских властителей, которые перекачивали большую часть продукта цветущей области в Сирию. Нельзя не отметить одного характерного факта: в Ираке восстания всегда подавлялись сирийскими войсками, причем по большей части кайситскими. И только, по существу, один раз сирийские войска оказались совершенно ненадежными. Имею в виду уже разложение Омейядского халифата при Мерване II (744—750), когда в Ираке были расположены сирийские гарнизоны, составленные в большинстве своем из йеменитов (кельбитов). Самый факт обращения в опасные моменты к сирийским войскам указывает, насколько они были связаны одними интересами с омейядской династией и насколько все иракские элементы были для последней ненадежны. Более ста лет продолжалось господство Сирии над Ираком, да и вообще над всеми областями халифата. К середине VIII в., как известно, соотношение в корне изменилось, Ирак из центра оппозиции, из области, которую власть рассматривала только как домэн, приносящий доходы, превратился в центр халифата. При аббасидах Ирак

[1] См. Jean Périer. Vie d'al - Hadjdjâdj ibn - Yousof, Paris, 1904.

[2] Ук. соч., стр. 314. Здесь в прим. 3 даны ссылки на источники.

встал на место поверженной Сирии и по первоначальному замыслу руководителей аббасидского движения должен был стать центром государства, где хозяевами являлись не одни только представители арабской феодальной аристократии, а где рядом с ними у самого трона халифов, на самых ответственных административных должностях встали представители феодальной знати поверженного арабским завоеванием сасанидского Ирана. Едва ли не наиболее глубоким замечанием в источниках по вопросу об аббасидском перевороте 748—750 гг., если брать его в идеологических явлениях, будут слова Ибн-аби-Тахира, автора одного из астрологических сочинений (ум. в 280 г. хиджры = 893 г. н. эры), приведенные В. Р. Розеном в его рецензии на книгу Alberunis India, изданную проф. Ed. Sachau в 1887 г. Вот эти слова: „и вот поэтому власть перешла при ней (т. е. при указанной констеляции. *В. Р.*) от омейядов к аббасидам, и отошла вера магов от дихканов, и они приняли ислам во время Абу-Муслима, и была эта перемена (веры) похожа на начало (новой) религии“ (т. е. по важности и по значению этот переворот может быть уподоблен перевороту вследствие основания новой религии).[1]

Слова Ибн-аби-Тахира дают нам указание (это отметил уже В. Р. Розен), что по существу только при аббасидах господствующий класс феодального Ирана, да и то только в компромиссной форме, принял ислам. До середины VIII в., т. е. в течение целого столетия, ислам мало захватил Иран, если не считать того успеха, который он имел в среде городского населения, главным образом среди купечества и отчасти ремесленников. При омейядах феодалы Ирана, стоящие в стороне от власти, не имели никаких стимулов к принятию ислама, и были, попрежнему, зороастрийцами. Еще более решительно это можно сказать об иранском крестьянстве. Как мы увидим ниже, оно уже совсем не питало склонности к восприятию новой религии и долгое время не только при омейядах, но и при аббасидах, держалось своих старых верований, по большей части в форме различных ересей, связанных в той или иной мере с маздакизмом. Да и какого другого отношения можно было ожидать от масс сельского населения к исламу, который в их сознании был идеологическим выражением арабского господства, с его хараджной системой, изымающей у сельского земледельческого населения около $^1/_2$ продуктов его тяжелого труда?

Слова Ибн-аби-Тахира имеют огромную значимость. Он прекрасно понимал, что в халифате произошли какие-то крупные перемены, раз в религиозной сфере наметился массовый отход от прежних религиозных воззрений. Для крутого поворота в сознании людей должна была быть соответствующая база, на основе которой и мог произойти переворот. Базой этой и явился политический компромисс, т. е. привлечение иранского дехканства, особенно его аристократии, к управлению страной.

---

[1] ЗВО, т. III, стр. 155—156.

Если взглянуть в перспективе на первое столетие аббасидской власти, нельзя не заметить, как это уже не раз и отмечалось в исторической литературе, что представители иранских феодалов становятся активными руководителями всей внутренней политики аббасидов. Особенно ярок пример с целой династией таких руководителей, как Бармекиды — выходцы из Балха.[1] Эти сказочно богатые восточно-иранские феодалы захватили все наиболее важные места по центральному и провинциальному управлению, играя роль первых людей при Мансуре (754—775), Махди (775—785) и Харун ар-Рашиде (786—809). В течение полстолетия представители этого дома — Халид, Яхья, Фадл и Джа'фар, пока при Харун ар-Рашиде не разразилась с ними катастрофа, медленно, но верно держали курс на то, что впоследствии осуществили тахириды и саманиды. Сошли со сцены одни, пришли другие, но пришли из той же среды и с теми же стремлениями. „После воцарения Мамуна (813 г.) Тахир, — по словам В. В. Бартольда, — был назначен наместником ал-Джезиры (Месопотамии), военным начальником Багдада и заведующим натуральными повинностями в Саваде (Ираке)".[2] Если внимательно проследить имена наиболее ответственных чиновников аббасидского государства, станет ясно, в чем на самом деле исторический, т. е. классовый смысл движения Абу-Муслима, приведшего к аббасидам. Если омейядский халифат и можно назвать арабским, то аббасидский следует именовать арабско-иранским.

В том и другом случае господствующим классом были феодалы, только во втором периоде мы имеем расширение круга господствующего класса в сторону включения иранских элементов, причем на определенный период с явным преобладанием последних. Общеизвестно, какое это имело значение в смысле сложения самых форм государственного устройства. Здесь наблюдается самое широкое использование на новой, правда, базе традиций и опыта сасанидской государственности. Что же от аббасидского переворота получили народные массы, которые такое деятельное участие принимали в движении Абу-Муслима? Ни одно из обещаний аббасидских пропагандистов исполнено не было. Быть может никто, как В. В. Бартольд, который в течение ряда лет читал студентам Петербургского, потом Ленинградского университета лекции по истории халифата, к сожалению, не воплощенные им в напечатанный курс, не сумел так ярко наметить противоречия, которые быстро вскрылись в халифате на этом новом этапе. По его не раз высказываемым словам, программная речь аббасидов, произнесенная представителем династии в Куфе еще в 749 г. с обещанием народу не возводить новых построек, не проводить новых каналов, не взимать тяжелых налогов и сделать Куфу — центр постоянных движений против омейядов — столицей халифата, была только необходимым демагогическим приемом. Трудящиеся массы — земледельцы и ремесленники — не получили ничего кроме ухудшения своего положения. Требо-

[1] Encyclopédie de l'Islam. В. В. Бартольд, Barmakides, стр. 680—683.

[2] В. В. Бартольд. Туркестан, ч. II, стр. 214.

вания аббасидской казны к плательщикам налогов (особенно хараджа) не уменьшались, а возрастали буквально с каждым годом. Ирак, ставший центром аббасидского халифата, не стал счастливее, чем при омейядах. Правда, здесь была основана новая столица, знаменитый Мединат ас-Селам — Багдад; сюда, а не в Сирию и Дамаск, как при омейядах, стекались огромные поступления со всех концов государства, однако все это шло только на потребу узкому кругу близких двору и династии феодалов. Аббасиды не разрешили противоречий, которые раздирали халифат, особенно, Ирак. В известной мере противоречия даже обострились. Если в омейядский период общая ненависть к Сирии и Дамаску, как символам угнетения арабских феодальных верхов, могла на время объединить классово-враждебные элементы Ирака, то при аббасидах, когда иракские феодалы стали хозяевами положения, трудящиеся массы получили возможность ясно видеть, где их настоящие враги. В. В. Бартольд в своих лекциях по истории халифата это обстоятельство особо подчеркивал, говоря что шиитские движения со времени аббасидов становятся более демократичными. На самом деле, не на омейядский, а именно на аббасидский период падают, главным образом, крестьянские движения почти по всему халифату, особенно в его восточных областях. Характерно, что наиболее напряженным временем в этом отношении является конец VIII и первая половина IX вв. Вспомним только восстания Муканны в Средней Азии при Махди (775—785)[1] и Бабека в Арране (816—838)[2] — эти поистине примечательные явления классовой борьбы в истории феодального общества на Востоке. Оба движения направлены не только против власти с ее суровым прессом хараджной системы, но и против самых основ феодального общества. Характерно, что оба движения, как многие другие этого периода, проникнуты вновь оживившимся маздакитскими идеями. Насколько быстро аббасиды потеряли доверие народных масс, насколько они сами проявляли боязнь непосредственного соприкосновения, даже простого соседства с ними, видно хотя бы из истории построения и устройства города Багдада. Известно, что аббасидские эмиссары обещали сделать Куфу столицей халифата, но это обещание не было исполнено, ибо уже с первых дней существования новой власти ясно было, что Куфа — ненадежный центр: слишком много было в ней оппозиционно

---

[1] Муканна см. Нершахи, изд. Schefer, персидский текст, стр. 63—74, русский перевод. Лыкошина, стр. 84—96; Якуби, BGA, VII, стр. 304; Табари, сер. III, т. I, стр. 484, 494; Ал-Бируни, Хронология, араб. текст, стр. 211, английский перевод стр. 194; Низам ал-Мульк, изд. Schefer, персидск. текст, стр. 198—199, франц. перевод, стр. 290; Ибн ал-Асир, т. VI, стр. 25—26, 34—35.

[2] Бабек, см. Абу-Ханифа, стр. 397—401; BGA, VII, Якуби, стр. 272; Табари, сер. III— т. II, стр. 1015, 1039, 1045, 1101, 1171 и сл., 1186 и сл. Maçoudi, VII, 62, 123 и сл.; Nizam oul-Moulk, изд. Schefer'a, персидск. текст, стр. 200 и сл.; Ибн ал-Асир, VI, стр. 231, 315 и сл., 325 и сл., 337; Ибн-Халдун, 'Ибар, III, стр 258—262; Ибн ан-Надим, Фихрист, стр. 343—344. Указанные источники дают главные материалы, но не претендуют на полноту.

настроенных элементов. Одно время предполагалось, что столица будет устроена в Хашимии недалеко от Куфы. Во всяком случае так думали при ас-Саффахе и даже в первые дни царствования ал-Мансура. Однако от этой мысли вскоре пришлось отказаться по той простой причине, что жители соседней Куфы, всегда недовольные властью, могли дурно влиять на находящиеся вблизи от резиденции халифата войска. Во всяком случае об этом вполне определенно говорит Ибн ат-Тиктака[1]. Так в поисках места дошли до ближайших окрестностей развалин знаменитой столицы сасанидского Ирана — Ктезифона. Заложенный здесь круглый город, план которого был тщательно, до мелочей, продуман с точки зрения максимальных гарантий в отношении личной безопасности халифа, его родни и высших представителей власти, вскоре все же был признан ненадежным. Ал-Хатиб ал-Багдади (ум. в 1071 г.) в своей истории Багдада рассказывает нам в этом отношении интересные вещи. Согласно первоначальному замыслу центральный базар помещался в пределах круглого города. Однако уже через одиннадцать лет после основания, а именно — в 157 г. хиджры, ал-Мансур перевел базар в предместье Керх. Ал-Хатиб ал-Багдади особо подчеркивает, что причиной этого была боязнь, что ремесленники и мелкие торговцы окажутся источниками народного недовольства и даже волнений. Он даже приводит конкретный случай. „Наступил 157 г. — Абу-Джа'фар назначил в это время Яхью бен-Закария на должность заведующего счетоводством. Этот последний соблазнил простой народ и внушил ему восстать. Абу-Джа'фар убил его за это у ворот аз-Захаб и перевел рынки ал-Медины к воротам ал-Керха...“[2] Любопытно, что когда ал-Мансур переводил рынки на новое место и собственноручно намечал топографию размещения по кварталам каждого вида ремесла, он будто бы сказал: „Устройте рынок мясников (سوق القصابين) и поместите их на краю базаров, так как они безрассудные и в их руках находится режущее железо“.[3] Ремесленники в глазах ал-Мансура были настолько опасны для спокойствия столицы, что он, по словам того же ал-Хатиба ал-Багдади, приказал выстроить для жителей рынков специальную пятничную мечеть и запрещал им входить в ал-Медину, т. е. в центральные части города.[4] Если эти факты так отчетливо выявились в самом начале аббасидской власти, то что говорить о более позднем времени, когда классовые противоречия углубились до крайности? Нет ничего удивительного в том, что большинство халифов только номинально будут считать Багдад своей столицей. Фактически они в нем не живут и даже избегают в нем появляться.

[1] См. ал-Хатиб ал-Багдади. L'introduction topographique à l'histoire de Bagdâdh. Изд. G. Salmon, стр. 76—77. Здесь в примечании к слову „Al-Hâshimyya“ говорится: „Elle fut fondée par As-Saffâh, mais Al-Mansoûr, son successeur, l'abandonna, craignant le voisinage de Koûfiens, qui cherchaient à semer la discorde dans son armée.“ Cf. Ibn aṭ-Ṭiḳṭaḳa, op. cit., p. 217.

[2] Указ. соч., арабский текст, стр. 20, французский перевод, стр. 98.

[3] Указ. соч., арабский текст, стр. 22, французский перевод, стр. 99.

[4] Указ. соч., арабский текст, стр. 22.

Никогда, пожалуй, классовые противоречия в аббасидском халифате не вскрывались так ярко, как при Мамуне (813—833). Об этом времени можно написать одну из увлекательнейших книг по истории человеческого общества, настолько каждый день здесь наполнен движением, борьбой, которая происходила на всех участках материальной и духовной жизни. В области духовной культуры в начале IX в. халифат находился в расцвете своих сил. Казалось, можно говорить о культурном превосходстве халифата даже перед Византией и Багдада над Константинополем. Продуктивная духовная жизнь халифата, особенно Ирака, протекала однако, как уже сказано, в условиях сложных, непримиримых противоречий. О них следует сказать хотя бы несколько слов. Аббасиды не смогли установить даже простого мира в рядах господствующего класса. Запад и восток халифата, арабская феодальная аристократия и иранская ее параллель — не могли поделить ни самой власти, ни доходов, получаемых с многочисленных масс огромного государства. Только под этим углом зрения можно понять ту трагическую для страны и, особенно, Багдада борьбу, которая в течение нескольких лет происходила между Амином и Мамуном, сыновьями Харун ар-Рашида. Как и при Абу-Муслиме победа оказалась за Востоком. Вместе с Мамуном в поверженный, разрушенный Багдад, который так замечательно описан поэтом из Согда ал-Хурейми,[1] пришли тахириды и саманиды, пришли на этот раз прочно, чтобы не выпустить власти над халифатом, во всяком случае над восточными его областями из рук иранской феодальной знати. В своих упомянутых лекциях В. В. Бартольд со свойственным ему глубоким пониманием событий, хотя и не поднявшимся еще на уровень марксистского анализа, сумел наметить главные линии происходящего. Позволю себе дать его схему, несколько углубив и детализовав ее. Установление власти иранской феодальной аристократии привело только к обострению отношений с народными массами. Движения в Куфе, Басре, Мекке, Медине, шедшие под шиитскими лозунгами, имели мало общего с тем, что было при омейядах и в первые годы при аббасидах. Главная действующая сила этих движений — саалики (по определению арабских источников), а по существу крестьяне и ремесленники; столь же напряженная обстановка была на востоке халифата. У феодальной аристократии Ирана во главе с Мамуном, кстати сыном персианки, не было никакой уверенности в завтрашнем дне. От края и до края халифат находился в огне крестьянских восстаний, и вот, в этот момент, Мамун при поддержке определенных феодально-иранских групп в лице известного в его эпоху Фадла ибн-Сахла идет на крайнюю меру. Он решается вырвать у народных масс зеленое знамя шиитов, отказывается от черного цвета аббасидов, хочет сделать зеленый цвет государственным[2] и тем самым оттянуть к власти умеренные круги шиитских

[1] Ал-Хурейми, арабский поэт из Согда, ЗКВ, V, стр. 445—447.

[2] Мамун в 201 г. хиджры предписал заменить черный цвет зеленым. См. Табари, сер. III, т. II, стр. 1012.

движений. Более того, он объявляет шиитского имама Али ибн-Мусу ар-Риза наследником престола. Одно время казалось, что задача ликвидации народных движений против феодальной власти будет успешно решена, однако действительность оказалась много сложнее, чем он думал. Этот его шаг встретил резкую оппозицию справа в лице известного Тахира, представлявшего круги феодальной иранской знати, да и самый отход умеренных шиитских кругов во главе с Али ибн-Мусой ар-Риза к власти расчистил дорогу более крайним элементам. Земледельцы и ремесленники после убийства Абу-Муслима, т. е. после 755 г., все больше поддаются пропаганде хурремитских или, как их иначе называли, хуррем-динских эмиссаров,[1] учение которых было насквозь пропитано маздакизмом,[2] и вместо зеленого цвета в борьбе против халифата и основ феодального общества выкидывают красное знамя.[3] Затея Мамуна оказалась неудачной. Заигрывание с умеренно-шиитскими кругами не дало нужных результатов, зеленое знамя было отставлено, на свое место вернулся черный цвет аббасидов, а участники неудачной политической комбинации Фадл ибн-Сахл и Али ибн-Муса ар-Риза поплатились жизнью.[4] Известно что последний скончался, съев отравленную кисть винограда. Халифу Мамуну не выпало на долю видеть спокойных дней. Несмотря на весь блеск культурной жизни, страна не выходила из потрясений. Восстание Бабека удалось ликвидировать только при преемнике Мамуна Мутасиме (833—842). Еще более опасное движение происходило в Египте. Исключительными мерами было подавлено в 832 г. коптское восстание, захватившее также арабов в восточных районах нижнего Египта. Из всех движений оно, быть может, было наиболее опасным для халифата. Небезинтересно, что то и другое движение подавил Афшин, феодальный князек из далекой Усрушаны (в Средней Азии), находящийся вместе с другими представителями иранской знати у самого трона халифа в качестве одного из близких ему лиц. В конце жизни Мамуна халифат не имел радужных перспектив. Власть не могла найти себе даже покойной резиденции. Мамун совсем почти не жил в Багдаде. Прежний состав гвардии был ненадежен. Пришлось обратиться к туркам. Первое время (при Мамуне) казалось, можно спокойно жить под их охраной. Но, увы, ближайшие годы показали, что здесь таится одна из смертельных опасностей для власти.

---

[1] О хурремитах много сведений у Табари, интересные данные о них находятся в Сиасет-Намэ Низам ал-Мулька, изд. Schefer'a, персидский текст, стр. 199 и сл.

[2] См. Motahhar el-Maqdisî, ed. Huart, IV, арабский текст, стр. 31.

[3] См. Низам ал-Мульк, Сиасет-Намэ, персидский текст, стр. 199. Очень интересное упоминание есть у Абу-Ханифы под термином المحمّر стр. 382, а также у Табари, сер. III, т. I, стр. 493.

[4] Версия Якуби (BGA, VII, стр. 304) гласит об убийстве Фадл ибн-Сахла в бане в Серахсе. Рассказ об отравлении Али ибн-Муса ар-Риза помещен у того же автора, стр. 306. См. также Табари, о смерти Фадл ибн-Сахла, сер. III, т. II, стр. 1027, о смерти Али ибн-Мусы, там же, стр. 1030.

Самарра — этот полустолетний эпизод с новой столицей — показала, что аббасиды вступали в период агонии.

Вышеприведенные несколько штрихов из политической жизни халифата и в частности Ирака могут быть поняты лишь на основе марксистского анализа классовой структуры их общественной жизни, что лучше всего можно сделать на материале, относящемся непосредственно к Ираку конца VIII и начала IX вв. Даже небольшого знакомства с историей халифата указанного периода достаточно, чтобы бросилась в глаза одна характерная черта, которую отмечали все исследователи, работавшие по первоисточникам. Черта эта — развитые денежные отношения, которые особенно характерны для западных областей халифата — Ирака, Сирии и Египта. Как бы мы ни относились осторожно к известиям повествовательных источников, хотя многие их данные основаны на архивных материалах, подвергнуть огульному недоверию их сведения не представляется возможным. Говоря о деньгах и денежных отношениях, приходится иметь в виду не только те факты, что купля и продажа в городах происходила в денежной форме (динары и дирхемы), но прежде всего то обстоятельство, что казна халифов, их бюджет складывался в огромной своей доле из денежных поступлений. Пользуюсь случаем напомнить, что глава русской арабистики конца XIX и начала XX вв. В. Р. Розен в своей рецензии на работу Kremer'a „Ueber das Budget der Einnahmen unter der Regierung des Harun al-Rasîd", помещенной в ЗВО, IV,[1] сделал несколько глубоких замечаний по поводу приводимых Kremer'ом бюджетных цифр. Кремер в указанной работе, опираясь на рукопись ал-Джахшиярия („Книга везирей и сановников"), из записки, „составленной для везиря Яхья ибн-Халида Бармекида" во времена Харун ар-Рашида, где приведены сметы архивного происхождения, дает цифры бюджета халифата на грани VIII и IX вв. „Общий доход в деньгах равнялся 530 312 000 диргемам. Из них 125 532 000 поступало золотом (5 706 000 динаров), остальные 404 780 000 — серебром. Кроме того поступала масса местных продуктов натурой, ценность которых была весьма значительна, но не поддается точному определению".[2]

Не может подлежать сомнению, что такие огромные денежные суммы бюджета могли складываться только на основе податных (главным образом хараджных) поступлений с трудящегося населения огромного государства. Что это именно было так, в востоковедной исторической науке давно известно. Напомню только сведения одного из надежных арабских географов Ибн-Хордадбеха, автора IX в. Давая перечень поступлений с округов Савада (Ирака), он пишет (привожу только в порядке примера): „Округ Анбар, рустаков (волостей) 5, риг 250, пшеницы 2300 курр, ячменя 1400 курр, серебра 150 000 дирхемов; округ Катраббул, рустаков 10, риг

---

[1] Указ. соч., стр. 128.

[2] Указ. соч., стр. 130. Соотношение динара и дирхема в это время выражалось: 1 динар = 22 дирхемам.

220, пшеницы 2000 курр, ячменя 1000 курр, серебра 200 000 дирхемов".[1] Как видно из перечня, сбор повинностей с Савада происходил, согласно Ибн-Хордадбеху, в смешанной форме (деньги + натура). Известно, что это свойственно хараджу типа мисаха,[2] который тщательно заносит в особые реестры каждый земельный участок как с точки зрения его количества, так и качества земли и характера его культуры.

При поверхностном взгляде может показаться, что развитие денежных отношений есть результат той стадии развития феодального общества, когда имеются налицо все признаки разложения феодализма, а следовательно и перехода к капитализму. Однако такой взгляд был бы глубоко ошибочным. Одним из крупнейших западноевропейских историков халифата Беккером в статье „Steuerpacht und Lehnswesen", совершенно правильно указано, что денежное хозяйство халифата нельзя понимать как капитализм. По его мнению, халифат в какой-то мере продолжает еще традиции античности, одной из характерных черт которой является развитие денежных отношений.[3] Беккер далек от учения об общественно-экономических формациях, однако наблюдение им сделано верно, хотя настоящие причины отмеченного явления им и не поняты, ибо вне учения о социально-экономических формациях понять их нельзя. Мне представляется, что природа денежного хозяйства лежит в специфических условиях восточного феодализма эпохи халифата с неизжитым еще рабовладельческим укладом, с одной стороны, малоземельем и постоянным соседством с кочевым хозяйством, которое стимулирует товарообмен, — с другой. О рабстве в системе общественных отношений халифата нужно ставить вопрос очень четко, ибо вне правильной оценки роли рабства совершенно не понять всех специфических особенностей феодального строя халифата. Позволю себе привести следующие слова H. Lammens из его работы „La Syrie":[4] „Некоторые цифры позволят представить, насколько велико было у арабов распространение рабства и какую значимость имел рабский труд. Моавия насчитывал 4000 рабов только в своих владениях в Аравии. Jéménite Dhoûl Kala, сирийскому вождю, приписывалось освобождение 10 000 рабов.[5] Эти несчастные сидели или на землях, которые они обрабатывали, или занимались ремеслами, доход с которых шел рабовладельцу. В последних случаях они платили поденную плату, редко бывшую более низкой, чем один дирхем в день. Жены рабов несли те же обязанности. Освобождение переводило их в сословие maulā, но оно не влекло для них за собой никаких политических прав (привилегий). Им было запрещено жениться на арабских женщинах. Они были обязаны оказывать своим

---

[1] BGA, VI, арабск. текст, стр. 8.

[2] См. M. Van Berchem. La propriété territoriale et l'impôt foncier, стр. 45 и сл.

[3] Der Islam, V, стр. 81—83.

[4] H. Lammens. La Syrie, Beyrouth, 1921, стр. 123—124.

[5] H. Lammens делает ссылку на Ибн-Асакира, V, стр. 271; впрочем, здесь говорится об освобождении 12 000.

бывшим владельцам почет и помощь, их законные наследники, если они умирали без завещания, уступали дорогу самому последнему, самому оборванному арабу (бедуину). Войны, набеги не прекращали снабжать рынок Сирии рабами. Христиане тоже владели рабами. Богатейший Афанасий Bar Goumayé из Эдессы, интендант и советник вице-короля Египта Абдал-Азиза, насчитывал не менее 4000 (рабов)".

В другом месте, несколько раньше, Lammens пишет: „Ремесла еще с доисламского времени были в презрении у арабов, впоследствии строительное искусство, портняжное, сапожное и т. д. были предоставлены христианам и рабам — последние облагались dariba, ежедневной податью с изделий их ремесла. Евреи были красильщиками, дубильщиками, цирульниками (ставящими пиявки) и занимались другими мелкими ремеслами, презираемыми христианами".[1]

Откуда поступало такое огромное количество рабов? Арабские и сирийские источники, дающие сведения об этой эпохе, приводят массу фактов. Позволю отметить в качестве образца следующий случай. По словам сирийского хроникера Denys de Tell-Machré, „в 228/9 г. Неоцезарея была взята Масламой, который вывел жителей этого города в качестве пленных и продал их в рабство, как животных".[2]

Указанный факт — один из многих. Военнопленные — основной источник, откуда в огромном количестве поступали рабы. Однако были и другие каналы, по которым развивалось рабство. Тот же Denys de Tell-Machré рассказывает следующее. В первой половине VIII в. в окрестностях Эдессы был христианский монастырь Мар Хабиль. Монастырь этот как-то не возвратил определенному лицу (арабу) оставленного последним временного вклада (сокровища). Правитель, также араб, приказал продать имущество монастыря, чтобы вернуть сокровище вкладчику, причем постановил: „Если этой суммы будет недостаточно, чтобы их освободить, монахи должны быть проданы, и долг тем самым уплачен. Все население города и целой округи, узнав о жестоком распоряжении, которое было объявлено относительно благочестивых монахов, выражали сильную скорбь по поводу того, что должны продать, как рабов, их братьев и их детей, которые, вместо отречения от мира, должны итти в рабство к язычникам".[3] Можно ли продавать такое огромное количество рабов, если общество знает только одну форму домашнего рабства? Думается, что нет. В полном соответствии с огромными цифрами рабов, находится и тот факт, что в каждом большом городе халифата, а особенно в Ираке, были специальные рынки рабов. Якуби, описывая новую столицу халифата Самарру, основанную при Мутасиме в 838 г., говорит: „Рынок рабов (рақīқ) находится в квартале, в нем помещается отдельный ряд, в котором есть

---

[1] H. Lammens. La Syrie, стр. 116—117.

[2] Denys de Tell-Machré. Chronique, quatrième partie, французский перевод, стр. 24.

[3] Указ. соч., стр. 15—16.

худжры (комнатки), клетушки и лавки, предназначенные для продажи рабов".[1] О таком же рынке упоминает Якуби и в Багдаде.[2] О квартале — рынке рабов в Багдаде — говорит и Масуди (дāр-ар-рақīқ).[3] На рынках этих обучали рабов определенным специальностям. Слова Lammens о рабах в ремесле, о рабах, переведенных на оброчное положение и обязанных выплачивать dariba, заслуживают особого внимания. Один из известных при дворе Харун ар-Рашида певцов (многие из них выходили из среды рабов), по имени Мескин, рассказал как-то, по словам Масуди, о себе следующее: „Был я прежде рабом, по профессии портным, принадлежал я некоему человеку из дома Зубейра. Лежала на мне в отношении к моему господину повинность (dariba), выплачивал я каждый день ему два дирхема. Когда я заканчивал выполнение лежавшей на мне повинности (dariba), то мог приступить к работе на удовлетворение своих нужд".[4] Этот небольшой, но выразительный пример является образцом распространенного в то время явления, когда купленный на рынке раб, обученный какому-нибудь ремеслу, или до того как он стал рабом знавший это ремесло, переводился рабовладельцем на оброк. Огромное количество рабов эксплоатировалось на самых тяжелых видах работ. A. Mez в своей „Die Renaissance des Islams"[5] приводит со слов берлинской рукописи (IV 7*a*) „Китāб-ал-ʿуйūн" следующее. Участники восстания зинджей (70-е годы IX в.) принадлежали к тем неграм-рабам, „которые разгребали солончаки у Басры до тех пор, пока не доходили до плодородной почвы. Негрские холмы (холмы из трупов) стоят там, как горы. Десятки тысяч их работало на каналах Басры". Только принимая во внимание вышеприведенные факты, можно будет понять следующее замечательное место из „Книги о харадже" Абу Юсуфа-Якуба. „Ты спрашиваешь, о эмир правоверных (Харун ар-Рашид), о беглых рабах и рабынях, которые препровождаются в руки правителей всех областей (халифата). Действительно, число этих рабов велико, и они заключены в тюрьмах каждого большого и малого города, и не приходит за ними никто, кто бы искал их. Поручи (о эмир правоверных) человеку, достойному доверия, чьей верой и надежностью ты удовлетворен, дело о продаже рабов, заключенных в тюрьме твоей столицы Мединат-ас-Селам (Багдада). Напиши (вместе с тем) должностным лицам с судебными функциями в больших и малых городах, чтобы они выявили — кто раб, а кто рабыня, и чтобы спрошен был каждый из рабов о его имени, о имени его владельца, из какой кто страны и где проживает его владелец, и из какой он (раб) народности и чтобы все это было записано в (особый)

---

[1] BGA, VII, стр. 260.
[2] Указ. соч., стр. 248.
[3] Maçoudi. Les prairies d'or, VI, стр. 459.
[4] Указ. соч., VI, стр. 343—344.
[5] A. Mez. Die Renaissance des Islâms, стр. 162.

реестр. Записано должно быть имя определенного раба, его физические качества, его рабочая специальность, год, месяц, когда он убежал, и год, месяц, когда он был пойман, а также его возраст".[1]

Тюрьмы городов халифата и особенно Ирака были не случайно наполнены беглыми рабами. Вот что рассказывает упомянутый выше сирийский хроникер Denys de Tell-Machré: „В ту эпоху многие рабы (esclaves)[2] сговорились тайно, собрались в числе около 500 человек — Medes, Sindhiens et Khasares, взялись за оружие и вторглись среди бела дня в Харран.[3] Они направили свои усилия на царскую казну и прошлись мечом по всему, что встречали на своем пути".[4] Рабские восстания — частое явление в халифате; возникая то тут, то там они иногда достигают больших размеров, пока не закончатся грандиозной войной рабов в 869 г., о которой еще в 90-х годах написал статью Нельдеке.[5] Рабство в халифате и особенно в Ираке, как это видно из фактов, мной приведенных, далеко выходило за пределы домашнего. Рабы работали на искусственном орошении, в рудниках, на добыче селитры и в разных видах ремесл. Принадлежали рабы как частным лицам, так и государству; рабы, о которых упоминает „Китāб-ал-ʿуйӯн", принадлежали государственной власти. Однако было бы огромной ошибкой сделать вывод, что халифат был рабовладельческим обществом, ибо анализ остальных сторон общественной жизни определенно вскрывает, что мы имеем дело с действующими феодальными отношениями. Рабство — только уклад, но уклад, имеющий огромное значение для социально-политической и культурной жизни арабского государства.

Совершенно особо стоит вопрос о крестьянстве в условиях халифата. Нельзя переносить наши обычные представления о непосредственном производителе сельского хозяйства, как они сложились на изучении европейского феодального общества, на земледельца стран Востока. Искусственное орошение и связанное с ним малоземелье есть такой факт, который накладывает свой собственный отпечаток на все восточное общество. Земледельческий труд не ограничивается фигурой крестьянина, обрабатывающего землю в условиях сельской общины. На ряду с ним мы имеем и испольщика, который может быть совсем не связан с последней, хотя очень часто в одном и том же лице соединяется то и другое. К сожалению, мы еще мало изучили источники, поскольку они говорят о сельской общине в Ираке. Пока можно только констатировать факт их существования.

Все сельские общины обрабатывали земли, которые считались собственностью государства, платя за них харадж. О харадже писали много,

---

[1] Абу Юсуф-Якуб, арабский текст, изд. Булак, стр. 113.

[2] Перечисление указанных народностей подчеркивает, что термин „esclaves" говорит о рабах.

[3] Харран — город в Месопотамии на р. Гуллабе.

[4] Chronique de Denys de Tell-Machré, стр. 99.

[5] Th. Nöldeke. Orientalische Skizzen. Ein Sclavenkrieg im Orient, стр. 153—185.

но и по настоящее время в западноевропейской и нашей литературе существует не мало спорного в трактовке отдельных сторон этого вопроса. Известно, что харадж делился на несколько видов. Наиболее распространенные из них: 1) харадж в форме мисаха и 2) харадж в форме мукасама.

1) Харадж мисаха, т. е. такой харадж, который взимался с земель измеренных, занесенных в кадастровые книги, причем с определенной единицы определенного качества земли взималось в смешанной форме определенное количество в натуре и дирхемах. При омейядах большая часть земель в Ираке принадлежала к этой категории.

2) Харадж мукасама, т. е. такой харадж, который выражался в определенной доле урожая. Два эти вида хараджа были известны еще сасанидской эпохе. Харадж, который был до Кавада I (488—531) и при Каваде, есть харадж мукасама; харадж, введенный Хосроем Ануширваном, есть харадж мисаха. Институты старые,[1] только термины новые арабские. При аббасидах в Ираке харадж вновь (правда не всегда) стали собирать в форме мукасама. До Кавада харадж в форме мукасама взимался от $^1/_2$ до $^1/_{10}$ доли урожая в зависимости от качества земли и близости ее от городов. Абу Юсуф-Якуб в конце VIII в. в своей „Китаб ал-харадж" советует Харун ар-Рашиду взимать харадж мукасама на следующих началах. Крестьянин — возделыватель пшеницы и ячменя — должен выплачивать $^2/_5$ на землях, орошаемых каналами; на землях же, орошаемых помощью колес, — $^3/_{10}$.[2] Возделыватель фиников, винограда, клеверных полей, садов должен выплачивать $^1/_3$ урожая. Абу Юсуф-Якуб, большой сторонник хараджа мукасама, считает его наиболее выгодным для обеих сторон и придерживается по ряду соображений более мягкой политики к крестьянству, чем это практиковалось в действительности. На самом деле взимание хараджа мукасама колебалось между $^2/_5$ и $^1/_2$ всего урожая, если возделыватель обрабатывал поля, орошаемые каналами, под пшеницей и ячменем.

Как заботливо государство охраняло свои интересы в области взимания натуральных налогов с непосредственных производителей сельского хозяйства, можно увидеть из того факта, что правительственные чиновники должны были зорко следить за тем, чтобы крестьяне не пользовались хлебом раньше, чем не сдадут налог в казну. В этом отношении очень интересно то место из „Книги о харадже" Абу Юсуфа-Якуба, где он рассказывает о существующей практике в этой области и где дает советы, как наиболее выгодно построить взимание натуральных повинностей. Характерно, что и сама книга посвящена Харун ар-Рашиду. Вот что пишет наш автор: „Отдай распоряжение (о, эмир правоверных!), чтобы жатва и обмолот производился в тот момент, когда хлеб уже созрел, и чтобы не задерживали хлеба по окончании жатвы больше того времени, которое нужно

[1] Так смотрели и сами арабы: BGA, II, стр. 217—218; Абу-Ханифа Динавери, стр. 72—73; Табари, сер. I, т. II, стр. 960—963; Белазури, стр. 228.

[2] Абу Юсуф-Якуб, арабский текст, стр. 28 (последние строчки).

для молотьбы. Когда обмолот уже возможен, хлеб должен быть рассыпан на току, и как только определилась возможность обмолота, он не должен задерживаться ни одного дня, в противном случае хлеб будет расхищен пахарями, прохожими, птицами и животными. Это приносит ущерб хараджу, но не владельцу хлеба (пахарю), так как последний, как это мне приходилось слышать, употребляет его в пищу, когда он еще в колосьях, в течение всего того времени, которое протекает от момента, когда он еще не сжат и до раздела (между государством и пахарем). Оставление хлеба (в колосьях) в поле и на току приносит ущерб хараджу. Когда хлеб рассыпан на току и сложен в кучи, то необходимо тотчас же приступить к обмолоту и не задерживать хлеба. В том случае, когда хлеб задерживается на току один, два, или три месяца, то залеживание это наносит ущерб как государству, так и плательщику хараджа, а благодаря этому произойдет замедление в процветании (страны) и хлебопашества".[1] Дальше рассказывается о том, что сборщик хараджа должен немедленно после обмолота произвести обмер и раздел хлеба, причем после раздела та часть, которая поступает в качестве хараджа в казну, должна быть немедленно вывезена, в противном случае произойдет расхищение хлеба и ряд недоразумений с плательщиками. Нет надобности особо комментировать вышеприведенное место из „Китаб ал-харадж", здесь все ясно. Характерно, что состояние, при котором непосредственный производитель сельского хозяйства не мог распоряжаться своим урожаем до окончания сбора государством причитающейся ему доли, имело место и в сасанидском Иране. В источниках, повествующих о сасанидской эпохе, распространен характерный рассказ о Каваде, женщине и плачущем ребенке. Кавад отправился как-то на охоту, по дороге увидел сад, а в нем женщину, которая не позволила ребенку сорвать плод гранатового дерева (в другом варианте фигурирует виноград). Ребенок заплакал. Удивленный Кавад спросил женщину, почему она обижает ребенка и не позволяет ему сорвать плода. Женщина ответила: „Пока не пришел царский сборщик податей, урожай нам не принадлежит, и мы не имеем права сорвать даже одного плода".[2] В свете вышеприведенного места и „Книги о харадже" анекдотический рассказ о Каваде, женщине и плачущем ребенке приобретает глубокий исторический смысл.

Величина хараджа, суровый контроль со стороны власти над сбором урожая и его распределением между государством и земледельцем ставили последнего в очень тяжелые условия. Ко всему этому присоединялась еще широко практиковавшаяся система сдачи на откуп хараджа представителям купеческо-ростовщического капитала. Развитые денежные отношения

---

[1] Абу Юсуф-Якуб. Книга о харадже, арабский текст, стр. 61–62.

[2] Al-Tha'ālibī. Histoire des rois Persans, арабский текст и французский перевод, стр. 595, BGA, II, стр. 217—218. Рассказ этот кроме того встречается в целом ряде литературных и исторических сочинений.

в халифате сопровождались хищнической деятельностью разного рода ростовщиков, торгующих деньгами, отдающих их в рост, участников и организаторов спекуляций, в том числе и откупов. Абу Юсуф-Якуб целую главу своего труда посвящает откупам налогов в Саваде. Он резко обрушивается на эту систему сбора налогов, а главным образом хараджа, говорит о злоупотреблениях, указывает, что при откупах земледельцу приходится выплачивать не только то, что полагается государству, но сверх этого еще и откупщику, рисует творимые откупщиками насилия над несчастными тружениками и не раз подчеркивает, что откупщики разоряют крестьян, подрывают в корне их хозяйственные возможности и тем самым снижают и платежеспособность их в отношении к государству.[1] Картина, им нарисованная, настолько выразительна, что нет нужды в каких бы то ни было комментариях. Читая эти страницы его труда, невольно вспоминаются другое время, другие области Востока и другой автор. Рашид ад-Дин в той части своего труда „Джами ат-таварих", где он описывает порядки в Хулагидской Персии (XIII в.) до Газан-хана (1295—1304), и где он показывает, как участие ростовщического капитала в сборе податей и налогов с населения приводит к полному его разорению,[2] точно в увеличенном масштабе повторяет рассказанное Абу Юсуфом-Якубом для своего времени. Привожу эту параллель походя, только для того, чтобы подчеркнуть как долго держится на Востоке в своеобразных условиях восточного общества хищническая роль купеческо-ростовщического капитала.

Было ли свободным земледельческое население Ирака, живущее в условиях сельской общины? По словам крупного немецкого историка-ориенталиста Becker'а „крестьяне (в Египте. *А. Я.*) были прикреплены к земле; они не могли изменить своего местожительства, иначе как при получении паспорта",[3] который выдавался им государственным чиновником. Послушаем теперь, что́ говорят наши источники об Ираке, да и вообще о Месопотамии в целом и о Сирии.

В „Книге о харадже" Абу Юсуфа-Якуба мы встречаем упоминание о том, что сельское население в Ираке (Саваде) метилось особыми свинцовыми пломбами. Вот его подлинные слова: و ختم على اعناقهم رصاصا „и печатали на их шеях (возделывателей полей) свинцовые пломбы".[4]

В другом месте Абу Юсуф-Якуб говорит: „(О, эмир правоверных) сверх того надлежит тебе, чтобы ты печатал выи их (плательщиков) во время собирания поголовной подати, пока не закончится с их стороны это дело, потом ты сломаешь эти печати, подобно тому как это сделал

---

[1] Абу Юсуф-Якуб, арабский текст стр. 60 и сл.

[2] Рашид ад-Дин, рукопись Института востоковедения: Д. 66, л. 406а; D'Ohsson, IV, стр. 376—377

[3] Becker. Egypte. Encyclopédie de l'Islam, 18-e Livraison, стр. 15.

[4] Абу Юсуф-Якуб. Книга о харадже, арабский текст, стр. 22.

с ними Осман ибн-Хунейф".[1] И, наконец, продолжает Абу Юсуф-Якуб: „Рассказал мне Камил бен-ал-Ала со слов Хабиба бен-Аби Сабата, что Омар бен-ал-Хаттаб послал Осман бен-Хунейфа провести измерение земли Савада (Ирака). Обязан он (Осман бен-Хунейф) собирать с каждого джериба земли Савада культивированной и находящейся под дождем (عامر وغامر) 1 дирхем и 1 кафиз и печатал он деревенщину (علوج) Савада. И провел он через печатание 50 000 деревенщины согласно разбивки на разряды в 48, 24 и 12 дирхемов. Когда закончилось с их стороны дело их (т. е. когда они уплатили подати), он отослал их к дехканам, и печати были сломаны".[2]

Еще более интересные сведения об этом для того же VIII в. дает упомянутый выше сирийский хроникер Дионисий из Телл Махра. Привожу его рассказ: „Он поставил другого правителя, чтобы клеймить и отмечать людей на шеях, как рабов. „И кто, — говорил пророк, — не получил знака этого зверя на лбу..." Но здесь они носили этот знак не только на лбу, но и на обеих руках и даже на спине. Этот управитель прибыл и заставил всю местность дрожать перед собой больше, чем дрожали при его предшественниках. Он действительно имел приказ метить людей на руках знаком, который не стирался и не менял своего места в течение всей жизни человека".[3]

В другом месте тот же автор дает еще более ценные указания о клеймении сельского населения, подлежащего обложению: „Он (арабский правитель) послал вместе с цензором клеймовщиков и клейма, чтобы согласно приказу первых последние накладывали клейма, и на каждом из клейменных было отмечено имя его города и его деревни, чтобы он был затем препровожден в свою деревню и в свою область... Клеймовщик схватывал сначала знатных людей данной местности (les notables d'un endroit) и говорил им: „пусть каждый из вас приведет своих (людей) в город, и чтобы никто не избежал этого, вы за них ответственны". Когда знатные (notables) приводили всех этих крестьян из их деревень, (клеймовщик) клеймил их. На правой руке он вписывал имя города, а на левой: „Месопотамия". Он привешивал на шею каждого две бляхи, из которых одна носила имя города, а другая дистрикта... Он вписывал также имя (облагаемого) человека, его приметы, его портрет, из какой деревни и из какого дистрикта он был".[4] Над свидетельством двух авторов VIII в. (араба и сирийца) стоит призадуматься. Оба они писали независимо друг от друга, писали один о Саваде, другой о Северной Месопотамии. Между нашими авторами есть некоторое расхождение. Абу Юсуф-Якуб говорит о печатях в виде свинцовых пломб на шеях, причем указывает, что печати эти уничтожались с того времени, как плательщики податей — непосред-

---

[1] Абу Юсуф - Якуб. Книга о харадже, арабский текст, стр. 72.

[2] Указ. соч., стр. 73.

[3] Chronique de Denys de Tell-Machré, французский перевод, стр. 104—105.

[4] Указ. соч., стр. 123—124.

ственные производители сельского хозяйства — выполняли свои обязательства. Denys de Tell Machré, отмечая наличность печатей, указывает еще на клеймение, которое уничтожено быть не могло и оставалось на всю жизнь. Во всяком случае из слов того и другого с совершенной очевидностью следует, что крепость к государственной повинности была.

Таково было положение иракского крестьянства, живущего в условиях сельской общины, однако ни в какой мере число занимающихся земледельческим трудом им не исчерпывается. На ряду с крестьянином мы имеем дело с испольщиком, который по большей части в виду сильного малоземелья совмещал в себе и крестьянина сельской общины. В том и другом случае мы имеем дело, конечно, с нерегулярным хозяйством. В арабской литературе испольщики известны под терминами „мунасиф", „а'мир", „аккар", „шарик" и „а'мил". Испольщикам в Ираке я посвятил специальную статью под заглавием „Об испольных арендах в Ираке в VIII в.", которую и доложил на заседании Ассоциации арабистов в апреле 1934 г., до сих пор, к сожалению, по независящим от меня обстоятельствам, не вышедшую из печати.

Не считая возможным оставить настоящий доклад без беглого, по крайней мере, упоминания о нем, позволю себе повторить кое-что из мной сообщенных уже фактов. Абу Юсуф-Якуб написал в своей „Книге о харадже" целую главу под заголовком: „О сдаче (возделывателю) необработанной земли и земли под пальмами".[1]

Здесь он изложил все действующие в его время виды испольных договоров между собственником земли и земледельцем. Отсюда мы узнаем, что земледельцы обрабатывали предоставляемый им участок земли из половины, трети, четверти, пятой, шестой, седьмой доли в зависимости от того, получал ли земледелец кроме земли семена, орудия производства, скот, полностью или частично. Испольные аренды, а следовательно и испольщики, были чрезвычайно распространенным явлением на переднеазиатском Востоке и в частности в Ираке. Как мы увидим ниже, испольщики работали преимущественно на частновладельческих землях, которые дробились на мелкие участки и раздавались земледельцам на вышеуказанных условиях. Испольщиком мог быть как крестьянин соседней сельской общины, так и совершенно безземельный человек, знающий земледельческий труд. В зависимости от своего хозяйственного состояния он и заключал соответствующий договор с собственником земли. Наиболее тяжелые виды испольных аренд падали на безземельных производителей, ибо, получая кроме земли еще семена, орудия и скот, они вынуждаемы были работать даже из седьмой доли урожая. В виду того, что при аббасидах все частновладельческие феодальные земли принадлежали к хараджным или ушрия, испольщики в доле обрабатываемого ими участка несли

[1] Абу Юсуф-Якуб, арабский текст, стр. 50—52.

и эти повинности в отношении к государству. Наиболее привилегированные земли были земли ушрия. Судя по Абу Юсуф-Якубу, ушрия всегда перелагался на землевладельца; что же касается хараджа, то его иногда платил собственник земли, а иногда в определенной доле он выплачивался испольщиком. Общеизвестно, что испольные аренды есть одна из наиболее тяжелых форм эксплоатации рабочей силы земледельца, вследствие чего и останавливаться на этом особо не стоит. Одно только следует напомнить — испольные аренды есть та форма эксплоатации, в которой всегда деятельно проявляется купеческо-ростовщический капитал.

В настоящем сообщении я не ставлю себе задачей выяснить, какие формы землевладения мы имеем в указанную эпоху на западе халифата и в частности в Ираке. Отчасти это уже сделано в западноевропейской литературе, а главное — для этого потребовался бы отдельный доклад. Мне только важно подчеркнуть, что землевладельцы не вели крупного сельскохозяйственного производства. Кому принадлежали такие имения, что за люди были их владельцы и каким термином эти имения обозначались?

Позволю привести себе одно очень выразительное место из Белазури („Книга завоевания стран"). Вот оно: „Многие ученые, между прочим один клиент Хишама ибн-Аммара, рассказывали мне, что у Абу-Суфьяна ибн-Харба, когда он во времена язычества вел торговлю с Сирией, было в ал-Белка имение, называемое Куббаш. Оно перешло к Муавии и его потомству. Затем, в начале господства нынешней династии (аббасидов. *А. Я.*), оно было кофисковано и стало принадлежать одному из детей повелителя верующих ал-Мехдия. Потом оно принадлежало людям, которые занимались торговлей оливковым маслом, куфийцам, называвшимся Бану Нуаймами".[1]

Термин, которым обозначается имение — общеупотребительное в арабском языке слово ضيعة (мн. ч. ضياع). Нельзя пройти мимо одной детали: имение переходит из рук в руки, было в частных руках, потом попало в собственность к Муавии и его потомства, с приходом аббасидов, как и полагается, было конфисковано и стало собственностью дома последних, пока вновь не перешло в частные руки — куфийца-торговца оливковым маслом. Последнее обстоятельство чрезвычайно характерно для специфических условий восточного феодального общества. Крупный торговец оливковым маслом и он же крупный землевладелец. В эпоху аббасидов мы часто наблюдаем соединение в одном лице — носителя купеческо-ростовщического капитала и землевладельца. Абу Юсуф-Якуб целую главу посвятил так наз. к а т и'а, т. е. также частной феодальной земельной собственности, только более мелкой.[2] Белазури рассказывает: „Сказал мне Бекр ибн-ал-Хайсам: я встретился в Аскалоне с одним арабом, и он сообщил мне, что его дед был одним из поселенных в Аскалоне

[1] Н. А. Медников. Палестина, т. II, стр. 66—67, тексты исторические (см. арабский текст, стр. 129).

[2] Абу Юсуф-Якуб, арабский текст, стр. 32—35.

Абд-ал-Меликом (685-705), который назначил ему здесь, в числе прочих гарнизонных воинов, участок земли (قطيعة). Этот человек показал мне одно имение, и сказал: Это один из участков, дарованных Османом ибн-Аффаном".[1] Кто же обрабатывал эти крупные, средние и мелкие частновладельческие земли? Принимали в их обработке участие рабы? К сожалению, факты этого рода еще недостаточно приведены в известность. Что рабы вели тяжелую работу по искусственному орошению, сомневаться не приходится, и об этом я выше упоминал. Однако занимались ли они обработкой самой земли? Факты этого рода имеются,[2] но мне не приходилось нигде встречать, чтобы это делалось в большом масштабе на манер римских плантаций, основанных на рабском труде. Зато мы не раз встречаем указание, что частновладельческие земли дробились на мелкие участки и передавались в обработку на основе испольных аренд, о чем выше мной специально и указывалось, когда я говорил об испольщиках. Абу Юсуф-Якуб, описывая кати'а, упоминает, что „Абдаллах ибн-Масуд и Са'д давали свои земли (в обработку) из трети и четверти урожая".[3]

На основании всей совокупности известных нам сведений мы твердо можем сказать, что все эти земли можно было дробить, дарить, продавать, покупать и передавать в наследство. На ряду с частным землевладением мы уже в аббасидский, и даже в омейядский период имеем возможность наблюдать интересное явление, характерный восточный феодальный институт, известный под именем икта', который впоследствии в сельджукский период получил крупное развитие на Востоке. Не входя во все юридические тонкости вопроса об икта', не касаясь всех разногласий, которые в науке существуют по этому поводу, считаю необходимым отметить одну черту, которая является решающей для понимания как самого этого института, так и его эволюции. Икта' находится в определенной зависимости от всей системы хараджа. Перед исследователем не может не стоять вопрос: куда государственная халифская казна могла девать те огромнейшие доходы, которые приносил ей харадж, взимаемый как в натуре, так и в деньгах? Выше мы видели огромные цифры бюджета при Харун ар-Рашиде. Двор, близкие члены династии, гвардия и гарнизоны, расставленные на разных границах государства, а также чиновничество, которое исчислялось большими цифрами, поглощали почти сполна все поступления с трудящегося населения. Содержание так или иначе связанных с государством верхов общества далеко не исчерпывалось так называемым жалованием. На ряду с последним мы имеем дело с своеобразным пожалованием, с типично восточной формой бенефиция.

---

[1] Н. А. Медников. Палестина, т. II, стр. 85, арабский текст, стр. 144.

[2] Арабский военачальник Са'ид ибн-Усман после взятия Бухары в 70-х годах VII в. отослал пленных к себе в Медину, где и обратил их в рабство, заставив работать их, по одной версии, по орошению (Белазури 412), а по другой в — земледелии (Нершахи, персидский текст, стр. 39). Пленные были из числа бухарской знати.

[3] Абу Юсуф-Якуб, арабский текст, стр. 35.

Позволю себе привести несколько примеров. По рассказу Белазури к Абд ал-Мелику, омейядскому халифу, как-то обратился некий Сулейман-ибн-Саʿд и попросил его дать ему в виде пособия харадж Урдунна за год. Абд-ал-Мелик сделал это и назначил его правителем Урдунна.[1] Еще В. В. Бартольд в своем „Туркестане" не раз отмечал, что видные чиновники государства, как правители, так и полководцы, получали в разных частях государства доход с определенных селений, а иногда и городских базаров. Например, „доходы с иштиханских базаров и некоторых селений принадлежали упоминаемому в истории халифов полководцу Оджейфу б. Анбасу, халиф Мутасим конфисковал их".[2] Не может быть сомнения в том, что указанные доходы с селений и есть или доля полагающегося с них хараджа или весь он целиком. Этот бенефиций, который давался на год, на несколько лет, а иногда и пожизненно постепенно закрепит за собой термин и к т а ʿ. В истории Египта, Передней и Средней Азии иктаʿ сыграет огромную роль. Исторический смысл этого института в том, что он образует один из тех каналов, по которым постепенно будет складываться феодальное поместье. Будучи сначала только правом на временное получение доли доходов с определенных государственных поступлений, бенефиций, он мало-по-малу будет превращаться в земельное владение с правом присваивать себе и часть продукта труда сидящих на нем земледельцев, т. е. в феод.[3] Вся последующая история Передней и Средней Азии дает этому множество доказательств.

Вышеизложенные черты социального строя Ирака в конце VIII и начале IX вв. ясно показывают, что в самой социальной структуре были такие противоречия, которые с необходимостью должны были приводить к напряженной борьбе. Рабство было укладом, тормозящим нормальный рост феодальных отношений. Рабы жили в условиях самой тяжелой эксплоатации. Рабский уклад должен и мог быть ликвидирован только путем восстаний. История халифата полна ими. Целая цепь их завершается знаменитым восстанием зинджей 869 г., после чего мы не видим рабства в таком большом размере ни в Передней, ни в Средней Азии. Характерно, что именно на X и еще в большом размере на XI и последующие века, связанные сначала с турками (сельджуки, караханиды) и потом монголами, падают максимальные явления роста феодальных институтов.

---

[1] Н. А. Медников. Палестина, т. II, стр. 90. Белазури, арабский текст, стр. 193.

[2] В. В. Бартольд. Туркестан т. II, стр. 98.

[3] Мы имеем возможность проследить отражение перехода иктаʿ в феод и в юридической литературе XI в. Маверди, автор الاحكام السلطنية, определенно высказывается в том смысле, что иктаʿ, которое передается по наследству, незаконно, так как خرج بهذا الاقطاع من حقوق بين المال الى الاملاك الموروثة Султан должен объявить такой иктаʿ незаконным и запретить людям, подлежащим хараджу (اهل الخراج) выплачивать харадж владельцу иктаʿ. Maverdii. Constitutiones politicae, стр. 340, 7—11. В данном случае упоминаемый иктаʿ есть уже тот его вид, который переходит в феод.

Крестьянство сельских общин, эксплоатируемое хараджной системой, и испольщики на частновладельческих землях, также находящиеся под прессом государственных взиманий, т. е. вдвойне эксплоатируемые, получающие иногда только половину от продукта своего труда, не могли мириться ни с основами феодального общества, ни с возглавляющей его государственной властью и не выходили в некоторые периоды, особенно в рассматриваемую нами эпоху, из состояния напряженной борьбы, переходящей иногда в настоящую гражданскую войну, ставившую халифат буквально на край пропасти.